

ОЛЬГА КОЛВИНА

АНЕЧКА И КОНЕЦ СВЕТА

ТЕОРИЯ ВЫЖИВАНИЯ

Ольга Колбина

**Анечка и конец света.
Теория выживания**

«Издательские решения»

Колбина О.

Анечка и конец света. Теория выживания / О. Колбина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969677-9

Простые люди, такие же, как мы с вами, живут своей обычной повседневной жизнью, и вдруг в мире что-то быстро и непоправимо меняется. Всё более явно проступают страшные симптомы надвигающейся беды. Как пережить глобальную катастрофу? Как выжить, когда умирают родные и друзья, исчезают любимая работа и бытовой комфорт, а многие ценности больше ничего не стоят? Это и предстоит решать героям книги. Группами и в одиночку пытаются они осмыслить и принять новую жизнь, не теряя человечности и надежды.

ISBN 978-5-44-969677-9

© Колбина О.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	11
IV	16
V	20
VI	26
VII	29
VIII	33
IX	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анечка и конец света

Теория выживания

Ольга Колбина

Редактор Тамара Вячеславовна Матвеева

Художник Яков Энгель

Дизайнер обложки Яков Энгель

© Ольга Колбина, 2019

© Яков Энгель, художник, 2019

© Яков Энгель, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-9677-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

– И давно у вас анемия? – с трудом подавил зевок Губкин, с сожалением оторвал взгляд от светло-голубого мартовского неба за окном и посмотрел, наконец, на свою пациентку.

Вопрос поставил в тупик. Какая анемия? Ничего себе анемия!

Всё началось два года назад. После ангины Анечка получила в регистратуре бледную распечатку общего анализа крови. Сверяя, из любви к порядку, цифры лейкоцитов, эритроцитов и прочих «цитов» с нормой, заметила, что гемоглобин выше нормы – 200! Ну и ладно. Немного выше. Но распечатка случайно попала на глаза её маме, и та сразу всполошилась.

– Ничего себе «немного выше»! 140, 150 – вот это немного выше! Но чтобы 200!? Немедленно к врачу!

Её снова отправили сдавать кровь. На этот раз цифра была ещё больше, 205! По дороге домой Анечка встретила старую знакомую, Зубаткину, врача из детской поликлиники, и не утерпела, пожаловалась на свой гемоглобин. Зубаткина только посмеялась.

– Да конечно, это ошибка, надо пересдать! Вот если б ты была здоровым мужиком с красной рожей, тогда ещё могло бы такое быть.

Здоровым мужиком с красной рожей Анечка не была. Напротив, отличалась бледностью и худобой. В свои неполные тридцать пять выглядела, как подросток – большие серые глаза в пол-лица, ни грамма косметики. Светлые волосы до плеч, зачесанные назад, как правило, удерживал ободок или широкая лента-резинка.

Анализ она пересдала – 195. Участковый терапевт, увидев обе распечатки, отмахнулась, как и коллега-Зубаткина: этого не может быть, ошибка. Через год на работе диспансеризация. На этот раз 225. Пересдала в другой лаборатории – 230. Вот тогда-то Анечка и записалась к гематологу. Губкину.

Около двух часов она томилась у кабинета, прислонившись к стене, от пола до потолка выкрашенной серой масляной краской. Очереди почти не было, ждала приема лишь одна пожилая пара. Дед невозмутимо читал газету, его жена нервно теребила платок, поминутно взглядывая на закрытую дверь. Прошел почти час, прежде чем дедушку пригласили войти, однако тут же высокий молодежавый доктор вышел из кабинета и быстрым шагом удалился по бесконечному коридору. Прошло ещё полчаса. Дед с недоумением выглянул из дверей, его жена развела руками. Пронервничав ещё минут пятнадцать, она принялась быстро ходить по коридору из конца в конец. Иногда она заглядывала к своему деду в кабинет, видимо, сообщая – «не идет», и снова убегала в конец коридора, к лестнице. Наконец, Губкин вернулся. Дед был мгновенно отпущен, и вошла Анечка. Очень быстро она поняла, отчего при упоминании фамилии Губкин ехидно заулыбалась девушка в регистратуре и захихикали медсестры, у которых Анечка спрашивала дорогу, разыскивая отделение.

– Молчите! – завопил врач, едва пациентка поздоровалась. – Лишнего не болтать! Отвечать строго на мои вопросы! Будете много болтать – пойдёте в коридор! Вы меня поняли?

Анечка, остолбенев, разложила на столе веер своих распечаток. Молча. Губкин нехотя принялся их перебирать. Думал он явно о чем-то своем, вздыхал и поглядывал в окно. Всё-то ему наскучило... Вот тут-то и прозвучал вопрос.

– И давно у вас анемия?

Молча, как и было велено, она выхватила у Губкина свой «веер» и ткнула пальцем в те цифры, из-за которых она сюда пришла. Какая, в конце концов, анемия? Возможно, бледный вид Анечки и наводил на мысль о пониженном гемоглобине, но ведь написано же – 235! Доктор, наконец, взгляделся в бумаги, его брови удивленно поползли вверх. И как-то сразу он превратился во вполне нормального человека. Теперь стало ясно, что Губкину довольно много лет. Седины в волосах почти не было, и, когда доктор разыгрывал из себя чудака и сноба, каза-

лось, что ему около сорока. Но едва лицо его приобрело сосредоточенно-серьёзное выражение, стали заметны глубокие морщины и круги под глазами. Движения врача стали быстрыми и точными, он враз утратил свою нарочитую медлительность, начал задавать вопросы и внимательно слушать ответы.

В ходе тщательного осмотра и пристрастного допроса Губкин совсем разошёлся. Он выхватывал с полок справочники, лихорадочно листал их и швырял обратно, сверялся с таблицами, подбегал к телефону, звонил коллегам, снова задавал Анечке вопросы. От всего этого ей всё больше становилось не по себе. В конце концов он сел, с прищуром посмотрел пациентке в глаза и с пафосом произнёс:

– Видите ли, это большая удача, что вы ко мне пришли. Высокий процент гемоглобина – это не так уж важно по сравнению с другими странными цифрами, которые я здесь обнаружил, – Губкин потряс распечатками. – Ну что же, чтобы поставить правильный диагноз, мы должны, – длинная пауза, – вскрыть вашу черепную коробку. Хотя гораздо удобнее было бы голову отрезать.

Сумка с колен Анечки шумно грохнулась об пол. Губкин наслаждался произведенным эффектом. Но пациентка уже немного привыкла к выходкам доброго доктора и только слабо улыбнулась.

– Есть другой вариант: сделаем небольшую операцию, вскроем бедро, возьмем анализ костного мозга.

Понимая, что шутки, скорее всего, уже заканчиваются, Анечка испуганно замотала головой.

– Не хотите? Ну ладно. Тогда можно анализ крови сдать особый. Только в одной лаборатории в городе берут. Дорогой, правда, очень. И результат не гарантирует. Но попробовать можно, – и Губкин назвал сумму, которую Анечка как раз отложила на зимние сапоги.

Когда доктор начал суетиться вокруг неё, она сразу поняла, что дело плохо. Пока Губкин совещался с коллегами и рылся в книжках, она прикинула, кому отдаст шубу, какую бы фотографию на памятник выбрать, да, и надо ещё все старые вещи из шкафа выбросить, чтобы родным не пришлось потом этим заниматься. Думать о детях она себе пока запретила. Ну что же, сапоги, видимо, уже не понадобятся, решила Анечка и согласилась на дорогой анализ. Губкин с радостью схватил телефон.

– Сейчас, договорюсь с профессором. Петрович! – заорал он в трубку. – Приветствую! Я к тебе девушку пришлю, анализ РР твоя лаборатория сделает? Знаю, что дорого, она не против. На этой неделе? Ну, будь здоров! – и подмигнул пациентке.

Доктор выписал бумагу для профессора Петровича и ещё десяток направлений на разные обследования. Анечка встала. Голова кружилась, перед глазами стоял туман. Трясущимися руками она собрала бумаги и обреченно поплелась к двери.

– Не торопитесь с обследованиями, постепенно все сдавайте, это не к спеху. Скоро я в отпуск, так что жду вас месяца через два, – у самых дверей остановил ее врач. У Анечки, которая ещё минуту назад собиралась жить никак не более двух недель, подкосились ноги, она решила, что ослышалась.

– Через... сколько?

– Через два месяца. Вашему здоровью ничего не угрожает, доживёте до старости. Каков бы ни был диагноз, лечения, скорее всего, никакого не потребует. Вы хорошо себя чувствуете? – Губкин наконец-то заметил полуобморочное Анечкино состояние. – Не волнуйтесь, у вас всё в порядке, куда лучше, чем у нас всех. Но надо выяснить, что же это такое.

– До свидания, – только и смогла сказать Анечка, покидая кабинет. На свежем воздухе она начала понемногу приходить в себя. «Если я доживу до старости, тогда может лучше сапоги?» – думала она, шлепая по месиву грязного весеннего снега и, конечно, не могла себе представить,

что совсем скоро сможет пойти в магазин и выбрать себе самые дорогие сапоги. Три пары. Или пять.

II

Повышенная тревожность – это *«индивидуальная психологическая особенность, заключающаяся в повышенной склонности испытывать беспокойство в самых различных жизненных ситуациях, в том числе и в таких, которые к этому не предрасполагают»*. Так написано в психологическом словаре, который Анечка любила полистать, когда совершенно нечего было почитать. Повышенная тревожность была ей хорошо знакома. А скорее, была образом её жизни.

Анечка всегда чего-то боялась, с самого детства. Если верить тому же словарю, *«тревожность не связана с какой-либо определённой ситуацией и проявляется почти всегда. Это состояние сопутствует человеку в любом виде деятельности»*. Чистая правда. Анечка хорошо помнила, как совсем маленькой не могла вечерами уснуть: боялась наводнения. А всё потому, что наслушалась рассказов соседки о событиях её молодости. Анечка представляла себе бурный поток воды, несущийся по улицам, вода поднималась всё выше, начинала литься в окна... Потом, насмотревшись на горящий в соседнем дворе сарай, она стала бояться пожара, и это продолжалось недели две. А потом, под впечатлением от фильма «Горячий снег», начала бояться войны. А вдруг завтра начнется война, – засыпая, боялась шестилетняя Анечка.

Список страхов можно было продолжать и продолжать. Анечка всерьез боялась авиакатастрофы, столкновения поездов на переезде неподалеку от дома, землетрясения, схода лавины и даже извержения вулкана, хотя никаких гор, а тем более вулканов, там, где жила Анечка, не было. Но страх складывался примерно так: а вдруг я поднимусь на вулкан, окажусь в кратере, а в этот момент и начнется извержение! Во взрослой жизни были свои страхи, менее экзотические. Например, утечка газа в квартире. Или взрыв газового баллона на даче. Или короткое замыкание в электропроводке ночью, когда все спят. Или вдруг ночью потечёт кран и затопит соседей снизу. Это было не менее страшно, чем пожар и наводнение, вместе взятые, ведь весь подъезд знал, сколь страшно в гневе соседка снизу Нина Гафуровна. Не зря соседи между собой прозвали её Фурией. Но особенно боялась Анечка за своих близких. Страшно, когда болели дети. Страшно, когда сотовый кого-то из своих вне зоны доступа. Когда дети плавали в озере, Анечке было страшно до того самого момента, пока они не выходили на берег, несмотря на то, что плаванием они занимались с малолетства. Когда вся семья ночевала на даче, а она по каким-то причинам оставалась дома, в голову лезли самые разные страхи: а вдруг у печки забудут открыть заслонку и все угорят? А вдруг забудут закрыть колодец, и кто-то споткнется и упадет туда? Или от порыва ветра оборвутся высоковольтные провода, висящие над домиком. И много разных других глупостей. От подруги-психолога Анечка, конечно, знала, что повышенная тревожность – это диагноз, который требует лечения, но предпочитала верить своему словарю по психологии, где ясно написано: *«Тревога и беспокойство представляют собой неотъемлемые компоненты нормальной жизни»*. К тому же, наблюдая за своими знакомыми, она очень рано поняла, что она такая не одна, и случай её далеко не самый тяжёлый. Например, однажды вернувшись с обеденного перерыва, она застала свою коллегу Марину Эдуардовну, женщину очень умную и организованную, в истерике и слезах.

– Что случилось? – Анечка готова была услышать что-то ужасное.

– Проводила мужа, обеих дочек с зятями. И внуки с ними. На озёра поехали, на рыбалку. На нашей газели. Все в одной машине! Все, кого я люблю, все, кто у меня есть, – захлёбывалась Марина, – в одной машине, а ехать 200 км! А на дороге всякое бывает! Сколько вокруг аварий! Вдруг что! Я не переживу!

– Но ничего же не случилось?

– А вдруг! – и Марина Эдуардовна зарыдала пуще прежнего.

Анечка боялась всего по очереди. Но большинство её знакомых всё же боялись чего-то одного, зато всю жизнь. *«Когда же человек боится чего-то конкретного, мы говорим о проявлении страха. Например, страх темноты, страх высоты, страх замкнутого пространства»*. Чего стоят фобии взрослых, успешных людей! Марку скоро пятьдесят. Начальник мужа.

Как-то всей компанией они поехали на лифте на смотровую площадку, открытую на крыше высотки. Все веселились, осматривали город. С высоты птичьего полета, а точнее с высоты 52-го этажа, он был похож на картонный макет будущей застройки. И вдруг заметили, что Марк сидит на полу бледный и весь в поту. Вцепился в скамейку и смотрит безумными глазами. Оторвали от скамейки, свезли его вниз. Зачем поднимался? Говорит, не хотел от компании отрываться, а последний приступ страха давно был, и под хорошее настроение он решил, что больше страх не вернется.

А вот Лида боится Марка. Лиде тоже под пятьдесят. Всю свою жизнь она работает с Марком. Марк – начальник, Лида – главный специалист в коллективе. Лида рулит. Лида принимает решения, без Лиды – никуда. Марк отлично всё понимает, но орёт на Лиду по любому поводу. То, что прощается всем, никогда не прощается Лиде, любая мелочь.

Истерики Марк устраивает почти каждый день. И Лида могла бы давно уже привыкнуть, ведь дальше криков не заходило никогда – ни премии Марк Лиду не лишал, ни докладных вышестоящему начальству не писал. Но, по признанию Лиды, как только Марк входил в комнату, у неё «падало» сердце, голова уходила в плечи, и напряжение спадало только после ухода Марка. Так продолжается уже 20 лет.

Ну, а обычными фобиями – боязнью летать на самолете или выступать с докладом перед полным залом – в наше время никого не удивишь. Как-то дети принесли домой научно-популярную книжку, где приводился целый список фобий со смешными названиями. Некоторые вполне можно было по этим названиям угадать, например, некрофобию, то есть боязнь трупов, или арахнофобию – боязнь пауков. Но большинство других были довольно забавны. Сначала дети с пристрастием изучали этот список дома, а потом унесли книжку в школу.

Несколько дней, когда список зачитывался на переменах, вся школа покатывалась со смеху. Что бы вы думали такое скотофобия? Нет! Это боязнь темноты. А педифобия? Опять не угадали. Это боязнь кукол. Охлофобия – страх перед охламонами, кинофобия, это понятно, боязнь кинотеатров, наперебой предполагали ученики. Правильный ответ не разочаровывал, тоже смешно. И вся школа тогда выучила наизусть слово *параскавидекатриафобия* – боязнь пятницы, тринадцатого.

Так что лечиться Анечка пока не собиралась. Хотя завидовала спокойным и невозмутимым людям: Вот бы ей такие железные нервы, как у ее подруги Вали. Недавно Валин муж Антон вышел из дома вечером, без телефона, без ключей, без куртки. Поссорились, вышел воздухом подышать во дворе. В нетрезвом, конечно, состоянии. Через десять минут, как обещал, не вернулся. Через час тоже. На улице уже ночь – его нет. Валя всех друзей обзвонила, двор на всякий случай обошла и всё. Сидит, ждет. Волнуется, понятно, но в милицию, по больницам или моргам звонить не спешит. Анечка бы, не дай бог что, весь город бы перевернула или с инфарктом бы слегла. Муж, конечно, вернулся к утру, объяснил, что зашёл в соседний подъезд по ошибке, присел на ступеньки, да и заснул.

С Вали как раз всё и началось.

III

Вечер был душный. Анечка заскочила в маршрутку с одной мыслью, только бы сесть. Но куда там! Народу полно, и она вцепилась в спинку сиденья, к которому ее прижали. От мужчины справа так пахло перегаром, что она чуть не выскочила обратно. Но победило желание быстрее попасть домой после рабочего дня.

– А он что? И что говорит? А она? Вот и я ему говорю! – какая-то девушка на заднем сидении вела неспешную беседу, нисколько не смущаясь, что человек двадцать вокруг вынуждены всё это слушать.

На каждой остановке людей набивалось всё больше. Анечку раздражали и нетрезвый тип справа, и визгливая девица с телефоном, и духота. Держаться за толстую спинку кресла было ужасно неудобно. Водитель каждую минуту злобно выкрикивал:

– Сдавайте три человек! Ещё два человек сдавайте за проезд!

Мужик с перегаром вытащил из кармана банку с пивом. Он ловко открыл её одной рукой (второй он, благодаря высокому росту, держался за ручку люка на крыше), и отхлебнул. Банка в его руке теперь опасно качалась прямо у лица Анечки. Одно резкое движение маршрутки, и без синяков не обойдётся.

– Ну ладно, встретимся вечером, – девица, кажется, заканчивала разговор, и Анечка воспряла духом: слава богу, поедem в тишине.

Но не тут-то было, та тут же набрала новый номер.

– Привет! Как дела? Да, мой тоже заболел, пластом дома лежит, – беседа продолжалась, как ни в чём не бывало. – Да, курицу сварю, бульончик. Да ты что! Тоже болеют? Надо же, всей семьёй! Ага, ага. Вот-вот.

Это никогда не закончится, отчаялась Анечка. В этот момент водитель резко затормозил. Мужчина с пивом не удержался и повалился на неё, окропляя остатками баночного пива всех соседей без разбора.

– Не дрова везёшь! – закричали было на водителя обитатели маршрутки, но быстро переключились на любителя пива.

– Ой! Да вы меня с ног до головы облили!

– Немедленно выходите отсюда с пивом!

– Вы, молодой человек, если пьёте, так зачем в маршрутку лезете!

Женщины наперебой завизжали, призывая водителя высадить пьяного из салона. Мужчины, оценив габариты и брутальный вид нарушителя спокойствия, сделали вид, что ничего такого не произошло. Анечка с трудом освободилась от объятий нетрезвого соседа, который, поставив её на ноги, теперь громко извинялся, ведь всего одну баночку после работы, всего одну, разве он не имеет права?! Но женщины продолжали звать к его совести.

– Вот раскудахтались, курицы! – с досадой отмахнулся от них тот.

На лицах сидевших представителей сильного пола немедленно появились радостные ухмылки.

– Вы посмотрите, он ещё нас и оскорбляет! – не унимались дамы.

От разлитого пива шёл удушающий кислый запах. «Ненавижу людей! Откуда же их столько берётся!» – психанула Анечка и вытолкалась из маршрутки на одну остановку раньше. От глотка свежего воздуха ей стало легче, однако на улице её тоже окружала плотная толпа. В час пик люди быстрым шагом спешили по проспекту в сторону площади с остановками всех видов транспорта. Анечке нужно было в противоположную сторону, так что пришлось буквально пробираться сквозь людской поток, пока она не свернула в переулок. Отсюда до дома минут десять. Размышления о том, что же приготовить на ужин, прервал звонок от мамы.

– Ты где? Заходи к нам после работы, мы пирог испекли, заberi детям на ужин, – предложила мама, – у тебя всегда в холодильнике пусто, я знаю. И малины мы из сада привезли.

Родители жили неподалёку. Анечка свернула в сторону их дома. Как чувствовала, что нужно выйти на остановку раньше! Мама имела привычку разговаривать сама с собой. Точнее вслух комментировать все свои действия. Это выходило так забавно, что никого не раздражало. Даже когда Мария Петровна была начальником отдела, подчинённые любили её, как мать родную и по-доброму посмеивались над вечным бормотанием себе под нос:

– График надо составить... Где же линейка-то? Вот она, вот она. Ручка не пишет! Пойду-ка чаю выпью, – и так мысли вслух целый день. Все привыкли.

Пока Анечка мыла руки и пила чай, Мария Петровна перебирала малину.

– Растишь, растишь урожай, а его то заморозок испортит, то птицы склюют, то лягушки, будь они неладны! Этим летом бабочки белые одолели! Червяков в малине сколько! Жрут малину, сволочи! – Мария Петровна накручивала себя всё больше и больше. Закончив с ягодами, она тоже налила себе чаю и пошла в комнату, где Анечкин отец Иван Семёнович с аппетитом ел ягоды, посыпанные сахаром, из большой тарелки. Супруга села напротив него и, продолжая свою мысль, глядя Ивану Семёновичу прямо в глаза, с жаром произнесла: – Растишь, растишь всё лето малину, а потом гады всякие её жрут!

Ложка с малиной в руке Ивана Семёновича замерла в воздухе.

– Кто жрёт?! – опешив, спросил он, откладывая ложку в сторону.

Немая сцена. Заметив, что Анечка за спиной Марии Петровны просто давится от смеха, он быстро понял, что к чему, но виду не подал.

– Гады всякие жрут!?! Это я, значит, гад, твою малину жру?! – театрально возопил Иван Семёнович и «во гневе» отодвинул тарелку в сторону. Не будь он товароведом, быть бы ему народным артистом!

Мария Петровна, наконец, поняла, где и что сказала. Она стушеввалась, засуетилась, принялась оправдываться:

– Да нет! Да я не то имела в виду! Это червяки! – но, конечно, быстро оценила комичность ситуации. Увидев, что Иван Семёнович смеётся, не выдержав, тоже расхохоталась.

Общее веселье прервал телефонный звонок. Звонила Токманцева. Было слышно, как Мария Петровна со смехом в лицах пересказывает ей только что произошедший казус.

Токманцевы – закадычные друзья Ивана Семёновича и Марии Петровны. Без них не обходился ни один семейный праздник. Они по очереди ходили друг к другу в гости, сообщая ездили за грибами. У Токманцевых была большая семья – сын, дочь и четверо внуков. Жили Токманцевы-старшие по соседству с Анечкой, а их дети со своими семьями отдельно, поэтому с их детьми и внуками Анечка никогда не встречалась, как-то не довелось.

– Токманцевы за малиной не придут, – объявила Мария Петровна, вернувшись в комнату, – у них дочь разболелась и сейчас к ним внуков привезёт, чтобы их не заражать и самой спокойно поболеть.

– Кстати, Нинка звонила, у неё тоже дочь с зятем сильно простудились, и дети разболелись, все, кроме Славика, – вспомнил Иван Семёнович, – она тоже на время Славика к себе забрала.

Нинка на самом деле была профессором экономики с мировым именем. Но то, что она была однокурсницей Анечкиных родителей, давало им полное право вот уже лет пятьдесят называть ее Нинкой. Нина Станиславовна водила Славика в художественную школу рядом с домом, где жила Анечка. Иногда, когда занятия отменяли, заходила с внучком на чай. А вот другие её внуки рисованием не увлекались, и Анечка никогда их не видела.

Мария Петровна что-то бормотала, убирая посуду и пересыпая малину. Наконец, детально обсудив ситуацию сама с собой, она нашла выход:

– Анечка, так может, ты Токманцевым банку с ягодами отнесёшь? Пусть детки поедят!

Когда она подошла к дому Токманцевых, как раз подъехала машина, из которой выпало четверо мальчишек. Токманцевы, – сразу видно по светлым макушкам и ясно-голубым глазам. Из машины вышла Соня, дочь Токманцевых, мать двоих мальчишек и родная тётя ещё двоих. Выглядела она плохо. Нос красный, глаза запали, кашляет. Соня сразу узнала Анечку, видимо, по банке с малиной, поздоровалась и представила весь свой выводок:

– Саня, Ваня, Миша, Тиша.

Анечка по очереди пожала четыре крепкие мужские ладошки и отдала банку с ягодами Соне. Руки у той были очень горячие. С Сониным мужем Анечка была давно знакома, но это была тайна, поэтому встреча с Соней её немного смутила, она невольно почувствовала тяжесть камня за пазухой. Камень, правда, был чужой, но всё равно перед Соней было как-то неудобно. Мальчишки с топотом, пихая друг друга, скрылись в подъезде. Соня, попрощалась и повернула к машине. Оступившись, она наверняка упала бы, если бы Анечка вовремя не подхватила её за локоть. Ещё раз поблагодарив, Соня уехала.

Ну, наконец, домой! Обойти детский сад, перейти дорогу – и всё.

Тут Анечка вспомнила, что давно не звонила Вале. И та что-то не проявлялась несколько дней. Анечка на ходу набрала номер. Валя ответила сразу, но голос был совсем не Валин. То есть Валин, но не веселый и приветливый, как обычно, а безжизненный какой-то.

– Ты где? У тебя все хорошо?

– Анечка... У меня всё плохо, – Валя всхлипнула. Похоже, произошло что-то серьёзное.

– Что, что!? Что случилось? Валя!

– Мама и папа. Они... Они умерли. Их только что увезли.

– Увезли? Но как? Что могло случиться? – Анечка остановилась. По спине пробежал холодок. Валины родители жили в маленьком городе, в четырёх часах езды, они были ещё молоды и очень активны. Папа Валин ещё работал, в саду сил не жалели, на море каждый год ездили. Что же произошло? И почему сразу оба?

– Со вчерашнего дня мы до них дозвониться не могли, а сегодня с утра поехали к ним. Заходим в квартиру, а там... В кровати лежат, рядом лекарства, видимо сильная простуда была, – Вале надо было выговориться, – ни врач, ни милиция не ехали очень долго. А мы сидели и ждали. Рядом с ними. Несколько часов. Только что их забрали, говорят, очень много таких случаев смертельных сегодня. Для маленького городка просто катастрофа, такого не было никогда. Я подруге маминой позвонила, чтобы сообщить, а она тоже болеет. И тётя Саша тоже, и соседка. Надо похоронами заниматься, но в похоронном бюро телефон молчит. Антон сейчас сам туда пошел, но уже вечер, скорее всего там всё закрыто.

Анечка ещё поговорила с Вале́й, но как тут утетишь? Хорошо, что с ней там её муж Антон. Да и друзья там у Вали есть, всё-таки родной город. Анечка позвонила одной из Валиных подруг, та обещала за Вале́й присмотреть, но у неё самой свекровь при смерти и племянница серьезно больна.

Дома её ждала записка от детей: «Придём полдевятого». А это через час, так что было время приготовить суп. Завтра снова на работу, и Анечка мечтала, накормив семью, вволю постоять под душем и сесть в любимое кресло перед телевизором. Но этот вечер никак не хотел заканчиваться. Произошло то, чего она уж никак не ожидала. Позвонил Губкин. За полтора года периодического общения отношения их стали почти фамиллярными. Анечка не понимала, зачем она сдаёт все новые и новые анализы, проходит всевозможные обследования, но Губкин и уговорами, и обаянием убеждал её продолжать. Чего искал, объяснить он пытался, но не мог.

– Привет! Кто-то из твоих друзей заболел? – вопрос, как обычно, поставил в тупик. – Все здоровы? Родители как?

– Ну, у знакомых моих родителей вся семья болеет.

– Когда ты с ними виделась последний раз?

– Никогда, ну может, в детстве когда-то. А ещё у моей подруги родители умерли сегодня от простуды какой-то. Такой ужас!

– А с ними ты знакома была?

– Нет.

– А ещё?

– Сегодня девушку встретила, очень больную. Я с ней разговаривала. Это заразно? – начала паниковать Анечка. Умел Губкин напугать.

– А раньше ты с ней когда виделась?

– Никогда, пожалуй, только по телефону, – подумав, ответила напуганная Анечка.

– Повезло девушке, – задумчиво пробормотал доктор. – Мне нужно с тобой встретиться, срочно, приеду через час. Ты дома?

– Да, адрес... – но Губкин уже повесил трубку.

Жара к вечеру спала, и за окном стоял тихий августовский вечер, какие бывают только на излёте лета. Ни ветерка. Казалось, что так спокойно, так тепло будет всегда. По-другому просто не может быть. Когда потом, уже в другой жизни Анечка вспоминала события этого вечера, последнего вечера, она всегда удивлялась тому, какая цепь случайностей привела её с банкой малины к дому Токманцевых, сколько жизней можно было бы спасти, умей Губкин ясно выражать свои мысли или хотя бы делиться предположениями. Когда суп был почти готов, раздался звонок:

– Спустись, я подъехал.

– Так может, вы подни... – но в трубке уже пищал отбой.

У подъезда стояли четыре машины. Губкин кинулся к Анечке. Он был возбуждён, почти невменяем. Схватив за руки, он потянул её к группе людей, приехавших с ним.

– Сейчас я тебя со всеми познакомлю! Это моя жена, а это внучка, – представил он Анечке невысокую усталую женщину с годовалой девочкой на руках, – поцелуй внученьку!

Это показалось Анечке странным. Она вообще не любила целовать посторонних детей, но отнесла это к экстравагантности Губкина. Она поцеловала уворачивающуюся внучку, пожала руку жене. На этом тоже настоял Губкин.

– А это моя дочь и её муж, кстати, тоже доктор! А это сын Александр, он кардиолог. А это моя сестра и её детки.

Анечка была вынуждена пожать всем руки, перецеловать всех детей. Она отметила, что взрослые переглядываются за спиной у Губкина, а когда он рядом, стараются придвинуться к ней поближе, приобнять за плечи, взять под руку. Подъехало ещё две машины. Среди приехавших Анечка узнала медсестру Губкина и девушку из регистратуры. Наконец, она смогла отвести врача в сторонку.

– Что всё это значит? Объясните сейчас же!

– Если бы я мог доказать свои предположения! Полтора года – так мало! Боюсь, что я не успел, – доктор забормотал что-то несурзное, – я не могу объяснить. Считай, что это интуиция, больше ничего. Ты – жизнь. Ты – иммунитет! Иди к людям, которые тебе дороги! Поцелуй их детей. Успей увидеть тех, с кем давно не встречалась. Сегодня. Или завтра. Нет, завтра, возможно, будет поздно, – у Губкина задрожали руки, его мясистое лицо побагровело, в глазах стояли слезы, – прости меня. Я боялся, что меня примут за сумасшедшего. Но, к сожалению, я прав! Никто не хотел меня слушать, но теперь – всё! Я прав!

Губкин говорил ещё что-то столь же непонятное, даже плакал, и Анечка решила, что он свихнулся окончательно. Однако поведение остальных людей настораживало. Они явно тоже были не в себе. Сын Александр, взяв отца за плечи, осторожно усадил его в машину.

Попрощавшись и снова пожав все протянутые руки, Анечка поднялась к себе. Дети были уже дома. Они уплетали бабушкин пирог.

– А суп! – возмутилась Анечка, забыв даже про сцену у подъезда.

– Не-е-ет! – хором закричали дети. Невзирая на бурный протест, она налила всем по тарелке. Через пару минут суп был съеден. И чего было кричать?

Когда она лежала в кровати и пыталась уснуть, из головы не шли слова Губкина. Найди тех, кто дорог, поцелуй их детей! Что это значит? За что он просил прощения? Я что – серьёзно больна, и он ничем не может мне помочь? Или это он болен на всю голову? Что знают все эти люди? И если я больна, зачем им со мной знакомиться, зачем они детей своих привезли? Что же такое с Валиными родителями? Почему завтра будет поздно? Ну не конец же света наступит... Но Анечка так устала, что сон быстро сморил её.

IV

Анечка боялась всего подряд, но конца света она совершенно не боялась. Как раз приближалась дата конца летоисчисления, предсказанная индейцами майя. Их календарь отсчитывал землянам ещё несколько месяцев. А что потом? В СМИ просто вакханалия началась. В изданиях разных мастей только ленивый редактор не помещал материалов на эту тему. Сколько газеток и журнальчиков, полных самых ужасных прогнозов, прочитала Анечка, сидя у кабинета Губкина с очередным пакетом анализов! Читала, чтобы не бояться. Не бояться того, что скажет Губкин. Она совершенно не доверяла «доброму доктору». Каждый раз он уверял её в том, что она абсолютно здорова, но при этом выглядел так озабоченно, а порой даже ошарашенно, что вернувшись домой, Анечка не могла успокоиться целую неделю. Она была уверена, что доктор чего-то не договаривает и уж в следующий раз точно огласит какой-то страшный диагноз.

Каждый раз она слышала от врача: «Вы, Анечка, гораздо здоровее всех нас», но это совершенно её не успокаивало. А вот стремительно надвигающийся, по мнению журналистов, конец света очень даже отвлекал. Постепенно она втянулась. Телеканалы, даже центральные, серьёзные, транслировали многосерийные документальные фильмы, подробно разбирающие возможные причины конца света. Из этих фильмов, как правило, следовал вывод: конец света обязательно будет, но когда и почему, можно только предполагать. Анечка увлечённо читала и смотрела всё. Тема эта захватывала, будоражила воображение. Были пересмотрены, кажется, все фильмы-катастрофы, а также постапокалиптические фильмы и сериалы. И наши, и голливудские, и британские. Нет, «Безумный Макс» и «Водный мир» не в счёт. Вот «2012» или «28 дней спустя» – это серьёзно. Однако, открыв тематическую выборку на одном из файлообменников, она обнаружила, что не посмотрела и десятой части того, что там выложено. Тема эта будоражила далеко не только её воображение.

Конец света Анечка изучила довольно серьёзно. Она вообще любила всё разложить по полочкам. Любая проблема, любая задача должна быть проанализирована. Затем нужно найти все возможные варианты её решения. А потом выбрать тот вариант, который требует наименьших жертв. Или даёт наиболее гарантированный результат. Зависит от задачи. Каждый из гипотетических вариантов апокалипсиса требовал своего гипотетического решения.

Для себя Анечка классифицировала варианты так. Сначала космические. Их три: во-первых, столкновение Земли с крупным космическим телом. В фильме «Армагеддон» Брюс Уиллис героически спас планету от столкновения с метеоритом. Нельзя сказать, что это абсолютная фантастика. Ведь в зоне доступа современных оптических приборов в окружающем нас космосе насчитывают более 120 миллиардов метеоритных ядер, то есть около 20 штук на душу населения. И наряду с дальнейшим развитием системы ПРО, ученые всерьёз рассматривали варианты защиты Земли от метеоритов и комет. По тому же принципу: расстрелять ракетой с земли или из космоса. До тех пор, пока в Челябинск не прилетел настоящий метеорит, повыбивал стекла, наделал шума, слава богу, не поубивал никого. Тогда учёные развели руками – против этого они бессильны. А уж если объект полетит к нам со стороны солнца, как в «Меланхолии» Ларса фон Триера, то даже Брюс Уиллис ничего сделать не успеет.

Вторая угроза – это аномальное повышение солнечной активности. В фильме «Знамя» с Николасом Кейджем спастись удалось только избранным высшими силами детям, да паре кроликов. Конечно, был бы там Брюс Уиллис, он не хлопал бы грустными глазами, как Кейдж, а обязательно что-нибудь придумал. Но большинство учёных голосуют именно за эту причину конца света, как за наиболее реальную и скоростную. Сильные магнитные бури, вызванные активностью солнца, могут вызвать выход из строя всех электронных приборов. Что будет с мегаполисом, если электроэнергию отключить? Или просто не будут работать компьютеры? Нарушится вся система коммуникаций. Выйдут из строя водопровод, отопление,

телефонная связь, системы безопасности. И может случиться много других неприятностей. А в самом фатальном случае вспышки на солнце могут быстро превратить цветущую Землю в безжизненный Марс, как в том же «Знамени».

Ну и, наконец, инопланетяне. Никто не отменял инопланетян. Начиная с Герберта Уэллса и по сей день инопланетная агрессия – любимая тема фантастов в литературе и кино. В том же файлообменнике про пришельцев из космоса Анечка насчитала 147 фильмов, начиная с 1951 года. А есть ещё и сериалы. Со времени написания «Войны миров», правда, мало что изменилось. Увы, в таком благодатном для фантазии жанре господствуют штампы и клише. Обычно, как только злые существа прилетают (конечно же, за земными ресурсами, потому что из-за своего неправильного поведения свои ресурсы они растратили), земные герои вступают с ними в бой – и побеждают. Например, в культовом фильме «День независимости» или в сериале «Визитеры». Иногда земляне даже помогают хорошим инопланетянам победить плохих, как в старом кино «Через тернии к звездам». Или сами существа быстренько вымирают от не подходящего для них климата. В некоторых артхаусных фильмах всё заканчивается плохо, но там тоже жанр обязывает. Удручают, конечно, образы пришельцев. Большинство фильмов беззастенчиво копируют удачно изобретенных в восьмидесятых *чужих*, добавляя для разнообразия лишь по паре лишних конечностей или зубастых челюстей. Другой вид инопланетян – это какие-то явно морские твари огромных размеров с длинными щупальцами, вопреки всем законам физики почему-то гуляющие по земле. Есть ещё человекообразные, но с коленками назад, яйцевидным черепом и множеством зубов. Или это банальные зеленые человечки. Даже бесчисленное количество сезонов «Доктор Кто» со всеми ответвлениями населило вселенную немногим более десятка инопланетных видов. А такие, как всенародно любимый Альф или Пол – секретный материальчик, добрые и обаятельные представители других цивилизаций – вообще большая редкость.

Что же, из космоса наверняка можно ждать множество угроз. Например, есть варианты, что чёрная дыра съест наше Солнце или наша солнечная система ударится о доменную стенку, или... Но всё это может произойти, по мнению учёных, только через миллионы и миллиарды лет. А Анечку интересовало лишь то, что могло случиться завтра, через неделю, ну, в крайнем случае, лет через сто. Вот инопланетяне, возможно, уже прилетели, только где-то прячутся.

Если рассматривать земные причины конца света, то, прежде всего это ядерная война. Сколько снято фильмов о жизни после мировой войны! Одни «Терминаторы» чего стоят. Вся страна когда-то ходила в кино смотреть «На следующий день». Однако не доказано, что если взорвать одновременно все боеголовки на планете, то это непременно приведет к гибели Земли.

Изменение климата. Потепление, вымерзание, затопление, высыхание – всё это может быть, но Анечка считала, что это произойдёт постепенно, и люди успеют приспособиться. А вот взрыв супервулкана, землетрясения, цунами, сдвиги земной коры, в общем, всё то, что нам показали в фильме «2012», – это и правда страшно. Тектонические процессы – для нас это просто научный термин, но те, кто был на Камчатке или спускался в жерла вулканов Индонезии, прекрасно знают какое это чувство, когда эти процессы происходят прямо у тебя под ногами. Когда из-под земли бьёт источник температурой 90 градусов, причём это не вода, а концентрированная смесь разных кислот! Когда перед тобой кипит целое озеро – хоть яйца вари, то понимаешь, насколько близко к земной поверхности могут происходить эти процессы и как хрупка там местами земная твердь, если по ней опасно ходить и для этого проложены деревянные мостки.

Далее техногенные факторы. Взрывы на АЭС и химических предприятиях (в результате аварий, компьютерных сбоев или атак террористов) могут привести к заражению и непригодности для жизни больших территорий. А ведь возможен и выход из-под контроля искусственного разума, взять тех же «Терминаторов»! Или «Матрицу». А если верить Википедии, то

в результате неправильного использования нанотехнологий возможно даже поглощение всей биомассы земли серой слизью! Вот перспективка-то! Особенно страшна судьба человечества в фильме «Дорога» с Шарлиз Террон, где после какой-то (неважно даже какой) катастрофы не растут больше растения, не летают птицы, небо всегда в облаках, а оставшиеся в живых люди вынуждены выживать за счет каннибализма. А тем, кто не может, остается только добровольно, но достойно уйти из жизни. Впрочем, не отстает и наш кинематограф. Взять хотя бы «Письма мертвого человека» или «Сталкер». В книге «Метро 2033» Дмитрия Глуховского люди могут жить только под землей. Даже спустя 20 лет после войны радиационный фон не позволяет даже просто выйти на поверхность, и выросло уже целое поколение людей, никогда не видевших неба.

Возможна также утрата озонового слоя Земли, постепенное исчезновение пригодной для дыхания атмосферы, смена и даже полное исчезновение магнитных полюсов Земли. Только что тогда будет, Анечка пока не знала и как раз собиралась об этом почитать. А ещё нужно было изучить последствия попадания под узконаправленный джет близкого гамма-всплеска при взрыве сверхновой звезды. Благо, техническое образование позволяло ей разбираться в научных терминах без особого напряжения. Так что было чем заняться.

Но и это ещё не всё. Глобальная пандемия. Как это происходит, подробно показано в фильме «Заражение» Содерберга. Но, как правило, фильмы про эпидемии – это фильмы про зомби. Ожившие мертвецы пользуются на современном кинорынке большим спросом. Кому интересно смотреть, как люди чихают, болеют и умирают? То ли дело, тебя укусили – и ты уже зомби. «28 дней спустя», «28 недель спустя», «Я – легенда», всенародно любимые «Ходячие мертвецы» – список можно продолжать долго. Анечка, конечно, уточнила, насколько долго: 302 фильма с 1932 года. Только в 2011 году снято 36 лент. Да что говорить, не так давно сам Брэд Питт вступил в борьбу с зомби в «Войне миров Z».

Но все знают, что особенно страшно то, что может стать реальностью. Как попался Анечке британский сериал «Выжившие» она уже не помнила, но случилось это уж точно неспроста. 1976 года выпуска, его и в Англии-то почти никто не помнит, а уж у нас вообще не знают. Но недавно сняли римейк, тоже захватывающий, и даже показали первый сезон по телевизору. Сюжет в том, что после эпидемии в живых остались считанные единицы. Они скитаются, пытаются объединиться в группы, наладить свою жизнь. Но вместо этого зачем-то сражаются за материальные ценности, которых и так полно, и за власть.

Несколько недель Анечка не переставая думала об этом. Как бы она поступила в такой ситуации? Уж точно не так глупо. Возможно, русские люди с их генетической памятью лучше приспособлены к преодолению разного рода тягот и лишений. Только за последние 100 лет, пережив первую мировую войну, революцию, войну гражданскую, коллективизацию, индустриализацию, репрессии, Великую Отечественную, тяжелые послевоенные годы, перестройку, ускорение... Да что учебник истории пересказывать, люди приспособивались к таким условиям, что и представить трудно. Преодоление очередных трудностей стало своего рода национальной забавой. Взять хотя бы просто быт обычного советского человека. Всю тяжесть того, что рассказывала бабушка о своей жизни, Анечка осознала, только став взрослой. Например, обычная стирка. Бельё кипятили в огромном стиральном баке на плите, которая топилась дровами. Воду для этого таскали из колонки на перекрестке. Анечка и сейчас жила в той же квартире, только плита, слава богу, другая, а колонки в городе ни одной не осталось. Так вот, потом на санках бабушка везла бельё на пруд полоскать. В ледяной воде. А до пруда несколько остановок ехать. Ходить пешком в такую даль никому теперь и в голову не приходит. А тут с тяжелыми санками, туда и обратно. А летом как? Бабушка не рассказывала, а сейчас уже не спросишь. Поэтому Анечку ужасно раздражало то, какой ерундой занимались в сериале не приспособленные к жизни англичане, вместо того, чтобы... Что нужно делать Анечка, томясь в больничной очереди, продумала до мелочей, разложила по полочкам, как обычно.

Впрочем, пандемия уже была на земле много раз. Уносила миллионы жизней, но люди живучие, они снова плодились и приумножались. Так что у конца света появилась ещё одна причина: голод вследствие перенаселения. Планета не сможет прокормить семь миллиардов человек при сложившемся уровне потребления. Значительная часть населения планеты будет голодать и вынуждена будет начать войну за ресурсы.

Ну и, наконец, вымирание. Когда Анечка впервые прочла о великом Пермском вымирании, это поразило ее воображение не менее сильно, чем возможность поглощения всего живого серой слизью. Оказывается, в истории Земли вымирания случались неоднократно. Последний раз это произошло довольно давно, в конце Палеозойской эры, в Пермский период. Отсюда и название – Пермское вымирание. Вдруг за какой-то небольшой период времени вымерло по неизвестной причине 95 процентов всех биологических видов Земли. Причины и механизмы массовых вымираний до сих пор с точностью не установлены, поэтому нет гарантии того, что подобное событие не повторится, и в число вымерших видов не попадёт человек. Впрочем, Анечка была не склонна в этом случае верить учёным. Откуда они знают, что там, в Палеозойском периоде происходило? Радиоуглеродный анализ? Насколько он достоверен? Геохронологические исследования и анализ изотопного состава горных пород, слагающих отложения того времени – ну смешно! Что у нас 100 лет назад происходило, и то с уверенностью сказать нельзя. Конечно, учёные бы с Анечкой не согласились. Но сейчас какая Эра на дворе? Кайнозойская. Четвертичный период. А до неё ещё весь Мезозой, 3 периода, включая Юрский с его динозаврами. Вот перед началом Мезозоя и случилось Пермское вымирание. Очень быстро, за какие-то 100—200 тысяч лет. Правда, по другим данным это продолжалось около миллиона лет, что, по мнению ученых, собственно, тоже ерунда.

V

Следующим утром пришлось долго ждать маршрутку. Начинался рабочий день, но машин на улице мало. «Как в выходной», – подумала Анечка. Когда она забралась в подошедшую, слава богу, машину, пассажиров там оказалось непривычно мало, учитывая, сколько пришлось ждать. Люди выглядели нездоровыми, кашляли, часто доставали носовые платки. Но Анечка всего этого не замечала. Она думала о Вале. Каково ей сейчас!

Валя была матерью образцового семейства. Эту подтянутую, стройную, миниатюрную женщину с короткой мальчишеской стрижкой никому бы и в голову не пришло назвать матерью семейства. Однако у Вали было два взрослых сына, муж, большая квартира и маленькая собачка. Валя была старше Анечки на несколько лет. Она не работала, как и принято в образцовых семьях, деньги зарабатывал муж. Младший сын Женя учился в музыкальном лицее и собирался стать скрипачом, старший Артём был студентом престижного питерского университета. Валя вела светскую жизнь: посещала театры, выставки и другие культурные мероприятия, почти каждый день ходила в модный спортивный клуб, увлекаясь то фитнесом, то йогой, то индийскими танцами. Не забывала о парикмахерах и косметических салонах, благодаря чему её внимательные тёмно-карие глаза смотрели на собеседника из-под модной рыжего цвета челки, а свежести лица могла бы позавидовать любая десятиклассница. Но Анечка подозревала, что большую часть своего времени Валя проводит с тряпкой. В Валиной квартире даже с микроскопом нельзя было найти ни одной пылинки, а ведь там обитало ещё трое мужчин и собака! По сравнению с её кухней любая операционная, наверное, показалась бы грязной ночлежкой. В почти дворцовом интерьере каждая салфетка, каждая солонка не имела права выбиваться из общего строго выверенного стиля. Валя была безупречна. Валя была благополучна. И вдруг такая трагедия! А как же Тёма? Сообщила ли она Тёме в Питер? Конечно, сообщила, ведь ему нужно успеть приехать на похороны! Тёма приедет... Даже в таких обстоятельствах от одной мысли о приезде Тёмы Анечка начала немного нервничать. Когда они виделись в последний раз, Тёма поцеловал её в щеку. Просто так, на прощание. Всех целовал по очереди – родителей, племянницу и её заодно. Мальчику только 22 года, и почему она, взрослая женщина, должна из-за этого нервничать? И вообще об этом думать? Но не думать об этом не получалось. Однако вскоре мысли Анечки переключились на Губкина и вчерашний вечер. Найди тех, кто дорог, поцелуй их детей. Что же это такое?

Поднявшись на свой третий этаж, Анечка обнаружила, что многие на работу не пришли. Начальник с недоумением объяснил тем, кто был на месте:

– У Семёнова жена ночью умерла, – все ахнули, – у Петровой ребёнок заболел. Так, у Федотовой тоже. У Муравьёва вообще все болеют серьёзно – жена, дети, тёща, он позвонил, отпросился. У меня, кстати, тоже жена и сын с температурой. Старшую дочь я с утра в школу отвёл, вроде здорова.

Начальник Павел Константинович был ещё очень молод, но беззаветная любовь к выпечке и шоколадным конфетам уже к тридцати годам превратила его в нечто огромное и рыхлое, весом килограммов 150. Сослуживцы, кто за глаза, а кто в лицо, называли его Павлуша. Они помнили его ещё стройным и подвижным, любили его за незлобивый нрав и коллективно переживали за его стремительно сдающее здоровье.

– Все болеют, все болеют! – из-за монитора выглянула лысая голова. Антоха всё свое личное и рабочее время проводил в Интернете. – На официальных сайтах об эпидемии ни слова! Включите телик, может там что-нибудь скажут в новостях. Но в твиттере просто поголовно все с температурой. И в сетях все жалуются на простуду. Симптомы одинаковые: насморк, глаза болят, температура, кашель. А потом человек со связи пропадает. Может спать ложится?

Но очень многие пишут, что кто-то в семье умер. Так быстро, утром ушёл на работу здоровый, к вечеру явился больной, ночью умер.

– Так почему не объявят, почему школы не закрыли? – заволновался начальник.

– Наверное, закроют сегодня, да поздно будет, все перезаражаются, – «оптимистично» предположил Антоха.

– В обед съезжу, дочку заберу, сюда привезу, – решил Павлуша. Он часто забирал из школы старшую, Марину, и она делала уроки за папиным столом, пока тот бегал по цехам, вытирая огромным платком вечно потное щекастое лицо. – Вы-то все здоровы?

Сотрудники заверили его, что совершенно здоровы. Но всем было страшно. У некоторых дома остались больные мужья, жены, родители. Все как по команде кинулись к телефонам. Анечка тоже хотела позвонить родителям, но её опередил звонок мамы:

– Как ты себя чувствуешь, как дети? – в голосе слышались панические нотки.

– Мы-то здоровы все, а вы как?

– Мы тоже, но у Нинки! – тут Анечка поняла, что мама плачет, – у Нинки умерли ночью все! Дочь, внуки, зять. Нинка с приступом сердечным, Иван к ней поехал. Я не пускала, заразится ведь, но как его остановишь? Да и я, наверное, поеду, как её бросишь?

– И Славик тоже? – оторопев от ужаса, спросила Анечка.

– Нет, Славик у Нинки ночевал, он даже не чихнул ни разу.

– Мама, сиди дома, все болеют и умирают, Валины родители вчера тоже.

– Да ты что! Заболели?

– Нет. Умерли от простуды. И на работе у Семенова жена ночью...

– Но Нинка!

– А у Токманцевых как дела, Соня как?

– Токманцевы в порядке, дети здоровы, Соне стало лучше. Но до сына с невесткой они дозвониться не могут. Вчера те должны были своих мальчиков забрать, Соня их из школы заодно привезла, но не заехали. Телефон не отвечает. Токманцевы, конечно, нервничают, тем более, что их друзья какие-то тоже умерли, им с утра сообщили.

– Не выходи никуда! – закричала вконец напуганная Анечка, – тем более, что транспорт очень плохо ходит, не дождешься, – добавила она, зная, что только это могло остановить ее маму, та не любила ходить пешком, не давали больные ноги.

Анечка заметила, что Лена Смирнова при упоминании Токманцевых начала прислушиваться к разговору.

– Что с Соней? – спросила она, когда Анечка повесила трубку.

– Всё в порядке, выздоравливает, – ответила Анечка (очень хотелось добавить «и не надейся», но она не любила обижать людей, даже если они этого заслуживали). Смирнова и была тем камнем, который поневоле держала за пазухой Анечка при встрече с Соней. Уже несколько лет Сонин муж был *любимым мужчиной* Лены Смирновой. Иногда он заходил с тортиком к ним в техотдел, без стеснения сопровождал её на корпоративных вылазках на природу. Однажды они с Анечкой, разговорившись, совершенно случайно выяснили, что тот Токманцев, про которого она упомянула в разговоре, и есть его уважаемый тесть. Тогда и было заключено «соглашение о неразглашении». Да Анечка все равно бы не пошла к Токманцевым ябедничать. Нельзя же лезть в чужие дела. Тем более, Соню она тогда совсем не знала.

– Хорошо, – пожала плечами Смирнова, – а у меня ночью свинка пала. Ничего не предвещало, утром захожу в сарай – лежит.

Удивительно было то, что при своей ангельской внешности – длинные белокурые волосы, голубые глаза – просто принцесса из сказки, Смирнова держала свиней и кур. Жила она в частном секторе, каждую весну они с матерью покупали поросёнка, и к осени он набирал вес. Тогда Лена сама, взяв у соседа ружьё и паяльную лампу, забивала свою ненаглядную свинку, как она сама называла своих питомцев, опаливала шкуру и с помощью соседа-алкаша разделя-

вала по всем правилам, скрупулёзно записанным в её записной книжке. А тут на дворе август, а свинка сдохла.

К обеду ситуация стала ещё тревожнее. У Павлуши жена больше не отвечала на звонки, и он умчался домой. Иван Семёнович не смог вызвать Нинке врача, отпоил валокордином. Не дозвонился ни до милиции, ни в похоронную службу. Даже такси не удалось вызвать – телефоны на автоответчике или отключены. Тогда он привез Нинку со Славиком к себе домой. Повезло, не пешком, маршрутку дождались, совсем пустую.

Анечка спустилась в цех, ей нужно было отдать документы начальнику второго цеха Файнбергу. Обычно там в это время кипела работа, сновали люди, двигались погрузчики, шумели машины, но сейчас было тихо. На лестнице она столкнулась с Сеней. Этот неопределенного возраста мужчина с вечно немойтой и нестриженной кудрявой шевелюрой отвечал на предприятии за связь и был совершенно незаменим. В просторечии все его звали радистом, и с ним нужно было держать ухо востро. Дело в том, что Сеня был очень разговорчив, если не сказать болтлив. Стоило только зазеваться, неосторожно улыбнуться Сене или притормозить, проходя мимо, всё – придётся слушать его полчаса, не меньше. Радист был Анечке симпатичен, она часто узнавала от него разные интересные вещи о политике, экономике и, конечно, о разных аспектах радиосвязи – любимой Сениной темы, но где взять столько свободного времени? На этот раз она постаралась проскочить мимо, но Сеня просто вцепился в ее рукав.

– Ты знаешь, какая эпидемия у нас? Там внизу – никого! Никого!

– Что, совсем?

– Только Файнберга видел. А ты...

– Извини Сеня, я побегу, а то вдруг он уйдет, а у меня документы не подписаны, – нашла Анечка и побежала вниз по лестнице. Сеня всплеснул руками и отправился искать другую жертву.

Файнберг был на месте. Увидев гостью, он поднялся ей навстречу. Это был высокий, по своему красивый человек с очень серьёзным лицом. За серьёзность эту отвечала вертикальная складка на лбу, которую стилисты и визажисты называют *хмурка*. Документы, инструкции, схемы и технологические карты были у него всегда в полном порядке, а воротничок рубашки, видневшейся из-под спецовки, всегда имел свежий вид. Анечка уважала его за техническую грамотность и часто обращалась к нему за советом, если сама не могла в чём-то разобраться. И это в то время, когда начальники других цехов годами не находили времени привести документацию в порядок. Перед каждой проверкой они в панике прибегали к Анечке с папками исчерканных бумаг и криками «Что делать? Как быть?! Помоги!». Достоинства Файнберга «усугублялись» красивым, идеально разборчивым почерком. К тому же он, несмотря на вечную занятость, всегда был рад остановиться и поболтать с Анечкой на самые разные темы. Лену Смирнову и Марину Эдуардовну он удостаивал лишь вежливым приветствием, а с Анечкой у них всегда находилось, что обсудить. «Это только из вежливости, – совершенно искренне думала Анечка, – по работе он зависит от моих действий и решений, вот и старается быть любезным. Ну не может ведь он интересоваться такой серой, ничем не примечательной личностью, как я. Ни супер-длинных ног, ни пятого размера, ни роскошной прически». Анечка даже косметикой пользоваться стеснялась, ей казалось, что помада сразу размажется, а тушь потечёт, и вообще, все будут над ней смеяться. Единственным украшением служила широкая лента-резинка, которая удерживала гладко зачёсанные назад волосы. Обычно лента была серо-голубой, в цвет глаз. Иногда ленту заменял пластиковый ободок. Одежду она тоже выбирала своеобразно. Поскольку на работу нельзя было прийти в привычных джинсах и кроссовках (дресс-код, будь он неладен!), она носила платья-футляры. Длинные рукава, вырез под горлышко, длина по колено, всё прилично. Никаких рюшечек и лишних деталей. Платья эти сидели на ней очень хорошо, благодаря высокому росту и полному отсутствию лишнего веса,

а скорее даже, его недостатку. Но это Анечке и в голову не приходило. Серенько, скромненько – и хорошо.

– Все домой уехали, – сказал Файнберг, поздоровавшись. – Плохо всем. Многие ещё утром не вышли на работу. Вот я остался, да старший механик, да Наташка вон сидит, чай пьёт. В других цехах тоже такая чертовщина – работяги все заболевают, а начальство бодрячком! Может они надышались чем-то? Так ведь я тоже в цеху целый день, и ничего!

– А как жена ваша, как семья? – слегка смутившись, спросила Анечка. Она никогда не задавала бы такого вопроса, если бы не эпидемия.

– Так нет у меня никого, собака дома ждет. Сложный я человек, – попытался пошутить Файнберг.

– А у механика вашего семья как? – Анечка часто с ним сталкивалась, но не могла запомнить, как его зовут.

– У Серёги? В разводе он. Сын у него в другом городе, на звонки не отвечает, но он в школе, возможно. На уроке, не может трубку взять. Серёга весь на нервах. А Наташке вон не за кого переживать.

Техник Наташка – бывшая детдомовка. Её вопиющая невежественность и детская непосредственность вкупе с весёлым нравом вызывали в людях симпатию и желание чем-то помочь, чему-то научить. Постепенно Наташка училась, оперялась. Анечка часто носила ей сумки с вещами. Анечкины подружки отдавали, слегка поносив. Не надо было задумываться, куда деть надоевшее платье – Наташке! И теперь та при своей зарплате и полном отсутствии вкуса выглядела вполне прилично.

Разобравшись с документами, Анечка вернулась на свой этаж. Никто не проявлял признаков нездоровья. На этаже располагалась «контора»: бухгалтерия, техотдел, где работала Анечка, отдел охраны труда, кабинеты директора и его замов. Всего здесь трудилось человек двадцать. А в целом на предприятии – около 400 человек. В цехах, на складе, в гараже, в лаборатории. Но сейчаслюдно было только в «конторе».

– Приказ по электронке пришёл, – крикнул ей Антоха из-за своего монитора, – ввиду высокой заболеваемости работников, и т.д., и т.п., рабочий день до 14.00!

– Как твои-то, здоровы? – спросила Анечка, надеясь на положительный ответ, Антоха не выглядел подавленным, как все остальные.

– Я здоров, Лёха звонил – тоже, отец – хоть бы что! – Анечка и Антон родились в маленьком рабочем городке. Антоху она знала с детства и Алексея, его единственного друга, тоже. Антоха был социофоб, ничто, кроме Интернета и Лёхи его не интересовало. Не то, что вы подумали. Просто Алексей был единственным человеком, который добровольно соглашался терпеть Антоху и даже иногда проводить с ним свободное время – пивка выпить или обсудить компьютерные новинки.

– Но в твиттере пишут – кошмар! – возбужденно продолжал Антоха, – у всех кто-то уже умер, а сами симптомы свои описывают, совета спрашивают друг у друга. Потом пропадают со связи. Кстати, твои там в порядке, отец видел, с коляской куда-то бегут, торопятся.

Отучившись в институте и выйдя замуж, Анечка осталась жить в мегаполисе, вскоре сюда переехали и родители. Анечкин же брат Саша с семьей остался в родном городке. Недавно у них дочка родилась. А ещё там жили тетушки, двоюродные братья и сестры с семьями и другие родственники. Анечка позвонила брату. Он на бегу рассказал, что все наши здоровы, но в городе со вчерашнего дня люди мрут как мухи, и он с женой, ребёнком, тещей и тестем едет на дачу, подальше от заразы. Потом Анечка обзвонила подруг, бывшего мужа, кое-кого из родственников, получила эсмэски от детей, и ей стало спокойнее. Все её родные и друзья живы и здоровы.

В этот момент в техотдел заглянул директор. Он безумными глазами оглядел оставшихся сотрудников и, увидев, что начальника техотдела нет, быстрым шагом двинулся на выход.

Впрочем, он и раньше не давал себе труда здороваться с подчинёнными или хотя бы замечать их присутствие. Не царское это дело. Это был единственный человек, который называл Анечку Анной Ивановной, притом подсматривая в бумажку, которую подсовывала ему секретарша. Сам он упомянуть своих сотрудников не мог и не собирался. Все остальные, даже малознакомые люди, с детства, не сговариваясь, называли её Анечкой. Это имя-прозвище прилипло к ней раз и навсегда. Анечкой называли её даже мальчишки в пятом классе, которым по возрасту положено всех девчонок звать дурами и воронами. И теперь её, уже взрослую женщину, и старики и малые дети всё равно звали Анечкой. Директор ушел, а через минуту в техотдел заглянула секретарша Дина, девушка модельной внешности, но, вопреки предрассудкам, совсем не дура, скорее, себе на уме. Она объяснила, что у директора при смерти дочь и он поехал домой. Замы тоже разъехались. А главный инженер заперся в кабинете, сославшись на плохое самочувствие. Но всем было понятно, что причина его болезни, как всегда, – похмелье. Услышав, что начальства нет, сотрудники засобирались по домам. Все переживали за близких. Лена Смирнова не могла дозвониться до матери, у Дины, оказывается, тоже заболели родители. Не переживал только Антоха. Напротив, он был возбуждён, взбудоражен, ведь происходило что-то захватывающее и страшное. У него было чувство, как будто он смотрел фильм ужасов: на экране кровь льётся рекой, а он в безопасности на своем диване. А ещё Марина Эдуардовна преспокойно печатала какой-то отчёт и никуда не торопилась.

– Как там ваши, Марина Эдуардовна?

– А что? Всё в порядке, муж в саду копает, внуки у нас, в детский сад их утром не взяли, воспитатель на больничный ушла и нянечка тоже. Дочери, зятя? Да все здоровы, иммунитет у моих хороший, все свое из сада едят, всё натуральное. Сватья звонила – за внуков переживает, у неё на работе тоже, как у нас, отпустили из-за эпидемии всех домой. Но, слава богу, среди наших никто не заболел. Конечно! Я их и ягодами, и зеленью свежей снабжаю, зелёный лук, чеснок, петрушка – это же чистый иммунитет!

Марина Эдуардовна продолжала живописать чудодейственность своих овощей и фруктов. Анечка чувствовала смутное беспокойство от её слов, но что это – не могла понять. Не прошло и месяца, как Марине Эдуардовне стукнуло пятьдесят, и все сотрудники были приглашены на юбилей в её большой дом. Гостей было много, кроме сослуживцев – родственники, друзья. Анечка тогда выпила лишнего, что было для неё не очень-то характерно. Она перетанцевала со всеми мужчинами, включая дедушек и двенадцатилетнего внука, поиграла в «дурака» на чердаке с детской тусовкой, состоящей из племянников, внуков и детей кого-то из гостей. Потом включилась в долгий женский разговор тётушек за тридцать. Вела себя шумно, перецеловалась со всеми на прощание, а на следующее утро ей было очень стыдно. Но, как ни странно, все остались приятно удивлены, увидев Анечку весёлой и раскованной, ведь в обычной жизни она была тихим, слишком тихим и спокойным человеком. Так что же её тревожит в словах Марины? Анечка повторила про себя её слова: «всё своё», – нет, не это; «все здоровы, хороший иммунитет», «петрушка – чистый иммунитет». И тут она поняла – иммунитет! Губкин сказал: «Ты жизнь, ты иммунитет».

Анечка принялась раскладывать всё по полочкам. Близкие Марины здоровы – все они были на юбилее. Мои друзья и родные не заболели. Может, это не случайно? Соне стало лучше, внуки Токманцевх в порядке. А Нинка? Вся семья, которую я не знаю, умерла, а Славик не заразился. А ведь Нина Станиславовна забрала его тогда, когда все уже заболели, а значит, был полный контакт! И сама она здорова. Так вот для чего Губкин привёз всю свою родню! Нет, не может такого быть. Но слова Губкина снова зазвучали в её голове: «Найди тех, кто дорог, поцелуй их детей!». Вчера Губкин ей звонил, так что можно перезвонить и выяснить. Она набрала номер, но «абонент выключил телефон или находится вне зоны действия сети». Анечка порылась в сумке и нашла телефон регистратуры. Там никто не брал трубку. Так, что ещё? Начальник, Павлуша. Жена и сын болеют, а Маринка, которой Анечка иногда помогала

учить уроки, спокойно отправилась в школу. В городке люди «мрут как мухи», а из родни никто не заболел. «Найди тех, кто дорог, поцелуй их детей!». Нет, не так! «Иди к тем, кто дорог, найди тех, с кем давно не виделась, поцелуй их детей!». Тех с кем давно не виделась! Господи, Катерина! Как же я забыла Катьке-то позвонить! И Анечка схватила телефон. Нет сети. Но только что же была? С рабочего набрала. «Соединение в данный момент невозможно», – сказал голос в трубке.

VI

С Катей они дружили со школы, были не разлей вода. Когда почти одновременно вышли замуж, общаться стали меньше. Катя часто забегала, когда у Анечки появились дети. А потом она сама начала рожать детей, одного за другим, и общение стало сугубо телефонным. Анечка не раз порывалась прийти, посмотреть на детей, принести подарки, но нет. На маленького смотреть нельзя: можно сглазить! Потом «пока не приходи, в городе такой грипп!», потом назначалась встреча, а в последний момент «у маленького понос, давай в другой раз». А потом родился второй ребёнок, и всё сначала. А потом третий. Так что Катю Анечка не видела уже лет десять, точнее, видела, но только по скайпу. Сейчас она почувствовала: надо бежать, надо успеть, пока не поздно. А если они все уже больны? Но тут Анечка вспомнила про Соню. Соня выздоравливает. Если безумная догадка про иммунитет верна, надежда есть. И она, схватив сумку и попрощавшись с коллегами, побежала на остановку.

Под козырьком у закрытого почему-то киоска переминалось с ноги на ногу всего несколько человек. Разгар дня, а машин очень мало. И народу на улице почти нет.

– Не дождёшься ты здесь ничего, – окликнули Анечку знакомые женщины с работы, – мы на другую остановку идём, может, там повезёт!

Ничего, можно и пешком. Идти было недалеко, минут двадцать. Но что она скажет, как объяснит, зачем пришла? Может быть, Катюки и дома-то нет. Прохожих почти не встречалось, и это усиливало беспокойство. Если бы дорога заняла больше времени, Анечка обязательно начала бы сомневаться в своей сумасшедшей догадке, возможно, даже передумала бы идти, но вот он, подъезд, в который она не входила столько лет. На железной двери красовался домофон. А ведь номера квартиры она не знает! Знает только, что на третий этаж и направо. На какую кнопку нажать? Взглянула на телефон – сети нет. В отчаянии Анечка изо всех сил дёрнула дверь на себя и чуть не отлетела в клумбу. Видимо домофон не работал, дверь была открыта и потому легко распахнулась. Взбежав на третий этаж, позвонила в звонок. Молчание. Похоже, и звонок не работает. Тогда она постучала. Потом заколотила в дверь кулаками. Тихо. Но вдруг...

– Уходите, мы никому не открываем, – это была Катюка. Живая, голос не хриплый, значит, здорова, обрадовалась Анечка.

– Это я, открывай скорей!

– Анечка! – сразу узнала Катя. – Ты зачем пришла, иди домой и никому не открывай, такая эпидемия, разве ты не знаешь?

– Знаю я, открывай! Я здорова!

– Нет! Ты же с улицы пришла, вдруг ты заразилась, но ещё не знаешь? Я не открою! Я должна о детях думать.

– Да из-за того, что ты всё время о детях думаешь, мы с тобой десять лет не виделись! Открой, я специально с работы к тебе бежала.

– Но зачем? Давай когда всё закончится, спокойно встретимся.

«Опять старая песня, – подумала Анечка, – как же убедить её открыть?»

– У тебя звонок не работает, ты в курсе?

– Да, электричество полчаса назад отключили, наверное, авария.

– Я устала, у меня сил нет, ну хоть чаем напои!

Но попытка надавить на жалость не удалась.

– Ну не могу я, прости меня! Такие врачи уважаемые в Интернете пишут, что эпидемия смертельная, надо беречься, а у меня трое, ты же знаешь.

– Но я пришла, потому, что могу спасти вас, у меня вакцина! Открой!

– Не выдумывай, эпидемия второй день, никто ещё никакую вакцину не создал, – у Катерины было медицинское образование, её не проведёшь.

– Я вакцина! – не выдержала Анечка, – я поцелую твоих детей, и они не заболеют. Мне врач сказал, что я – иммунитет, – Анечка прекрасно понимала, что всё это звучит как бред сумасшедшего, но сейчас она была совершенно убеждена в своих словах, – никто не болеет из тех, кто общался со мной последнее время! – её голос сорвался на крик.

За дверью послышался кашель, потом детский плач. Мужской голос крикнул:

– Не вздумай открыть!

– Иди домой, – разозлилась Катя, – голову тебе пора лечить!

– Открой, открой, открой, открой! – Анечка кричала уже на весь подъезд, – ну просто поверь мне!

– Десятки врачей известных и опытных говорят одно, а ты – другое, так кому я поверю? Уходи! Кто ты такая, чтобы я тебе верила?

– Но ведь ты меня всю жизнь знаешь, а эти врачи тебе кто?

– Сумасшедшая! Что тебе нужно? – теперь и Катя кричала в голос! Я тебя все равно не пушу! – за дверью послышались рыдания.

У Анечки опустились руки. Она поняла, что дверь ей не откроют, но ещё долго ломилась, убеждала подругу, стучала, кричала. Она никак не ожидала такого от Катки. Напряжение и страх сегодняшнего дня сказывались, и Анечка только на улице чуть-чуть успокоилась. «Может, Катя и права, – уговаривала она себя, когда брела домой по пустынному проспекту, – может быть, пересидят в изоляции и ничего не случится? Надеюсь, что это так». Но что-то подсказывало ей, что подругу она больше не увидит. Никогда. Анечка взглянула на телефон – сети нет, и она забеспокоилась уже за своих детей. Последний звонок от них был часа два назад. Тут она увидела приближающуюся маршрутку и замахала рукой. Водитель притормозил. Анечка зашла в абсолютно пустой салон. Водитель был ей знаком. Она уже много лет ездила одним и тем же маршрутом, некоторых водителей знала в лицо. Этот джигит как-то весной, когда Анечка сидела рядом с ним на переднем сидении, болтал без умолку. Произнёс целый монолог о родине, и поэтому запомнился ей особенно.

– Плохая у вас родина! – ворчал тогда всю дорогу смуглый человек, – то дождь, то снег, слякоть, грязь, не растёт ничего! Ни дыня, ни персик, ни абрикос! Всю зиму грязь! Всё лето дождь и холод! Вот на моя Родина – солнце, зелень, люди какие добрые. Только работы нет. Никакой.

Анечка даже обижаться на него не стала тогда, наверное, он по-своему прав. Сейчас он накинута на пассажирку с вопросами.

– Что у вас тут случилось? Где люди? С утра ещё возил кого-то, а за последний час только ты села.

– Что, совсем никого?

– Парень сел на площади, совсем больной! Вышел на той остановке. Пошёл, шатается. Теперь ты. А наши в парке тоже больные все. С утра один, два рейса сделают, и всё, домой, совсем больные. А на моём маршруте ничего, ездят.

– Так водители на 102 маршруте не заболели? – Анечка получила ещё одно подтверждение своей теории.

– Ну, кто-то заболел, но Зинатула, Латфул, Сайтгале, я вот, ездим пока. Что за родина у вас, все болеют, надо к себе возвращаться, – и водитель прибавил скорости на пустой дороге.

Выйдя на своей остановке, Анечка зашла в супермаркет за продуктами. Она спустилась по эскалатору, взяла корзинку. В торговом зале было пусто, но завернув за угол овощного отдела, она столкнулась с соседкой по дому.

– Хорошо, что я тебя встретила, что-то здесь неладно! – почему-то шепотом заговорила та, – смотри, охраны нет, кассиров ни на одной кассе нет, ни продавцов, ни уборщиц! Заходи, бери, что хочешь! Я позвала, никто не вышел. Пошли быстрее отсюда!

Анечка оглянулась по сторонам. И правда, на кассах никого, странно. Она прошла ещё немного вперед, к отделу выпечки, там всегда на развес продавали торты – никого. В проходах между стеллажами – никого. В этот момент в зале заморгал свет и через несколько секунд погас совсем. Анечке стало так жутко, что она бегом бросилась к выходу. Соседка за ней. Но где этот выход? Тут при свете-то заблудиться можно. Анечка запнулась за какую-то коробку и полетела прямо на стеллаж с крупами. На неё посыпались тяжелые пакеты с гречкой и пшеном. Придавленная бакалеей, Анечка не смогла сразу встать. Сначала она в панике барахталась, стараясь выбраться, но постепенно успокоилась. С трудом вытащила из кармана телефон и при его слабом свете осмотрела место происшествия. Вокруг валялись пакеты, но стеллаж, устоял.

– Кто-нибудь! Помогите! Я здесь! – закричала Анечка, надеясь, что хотя бы соседка ее услышит. Но вокруг тихо, – никого. Оттого, что смолкли кондиционеры и холодильники, тишина стояла просто гробовая, как под землей. «Так и правда, под землей, нулевой этаж», – пришло в голову. Тогда Анечка по одному стала снимать с себя пакеты, освободила ноги, поднялась. Ничего не болит, повезло. Потихоньку, освещая себе путь телефоном, она добралась до замершего эскалатора, а затем к выходу. Соседка ждала снаружи, а увидев её, испуганно попятилась.

– Что случилось? Что с тобой? Что там был за грохот? Господи, ты вся в извёстке!

«А вот ты бы пошла и посмотрела, что случилось, помогла бы, так нет ведь, как заяц драпанула!», – зло подумала Анечка, стряхивая с себя муку, но, как человек воспитанный, вслух сказала другое.

– Пойдемте домой, по дороге расскажу.

На улице по-прежнему стоял ясный солнечный день, и после тёмного зала супермаркета это казалось ещё более страшным – пустая улица, слепящее, клонящееся к закату солнце. Мимо изредка проезжали машины, на другой стороне улицы они заметили двух прохожих. Больше никого. Женщины, отдышавшись, пошли к дому. Перейдя дорогу, они увидели, что на пороге небольшого продуктового павильона стоит его бессменная продавщица, она же хозяйка Венера. К Венере в павильон ходили все домохозяйки микрорайона. Не столько за продуктами, сколько поболтать и посплетничать. Венера была очень приветлива и разговорчива. Ее татарское круглое улыбчивое лицо располагало к себе людей. Коммуникабельность явно была причиной её коммерческого процветания. Пару раз посетив магазинчик, вы уже начинали здороваться с ней, перекидываясь фразами типа «погода-то сегодня какая хорошая!», а потом, незаметно для себя, вполне могли выложить свои проблемы в семье и на работе, если, конечно, не было других посетителей. Помощник у неё был один, молчаливый парень восточной наружности. Он таскал коробки и тоже улыбался покупателям.

– Заходите! Никого сегодня нет. С обеда у меня пусто, а творожок свежий, сметана! Утром привезли, берите, – пригласила хозяйка магазина, – совсем выручки сегодня никакой! – пожаловалась она.

Анечка, быстро купив хлеба, сметаны да куриных окорочков, побежала домой, а соседка осталась в павильоне. Не могла же она уйти, не рассказав Венере о том, что случилось в супермаркете.

VII

Испуганные домочадцы встретили Анечку так, как будто она вернулась из кругосветного путешествия или с войны. Вся семья была в сборе. Пришли родители, а дети даже вызвали бывшего мужа. Все набросились на неё с расспросами. От Антохи они узнали, что с работы она ушла три часа назад. А потом пропала связь. Когда вокруг такое происходит, конечно, все переволновались. Анечка рассказала о своих приключениях в супермаркете и приврала, что всю дорогу пришлось идти пешком, поэтому так долго. О своем визите к Катерине она рассказывать не стала, как бы она это объяснила? И тут на неё посыпались страшные новости. Сын рассказал, что утром в школу пришло две трети класса, но ко второму уроку многие расклеились: кашель, температура поднялась. Учительница сначала к медсестре всех посылала, но та сама заболела и ушла. Потом училка сама у всех больных лбы потрогала, да домой отпустила.

– Нет, наша компания в порядке, все здоровы, кроме Глеба, – подскакивая от возбуждения, продолжал сын Гриша.

– Какого Глеба?

– Да ты его не знаешь, слушай дальше. Так вот, мы, не будь дураками, тоже сказали, что нам плохо, и нас тоже отпустили. Мы хотели в лесопарк пойти гулять, но сначала Зубаткину родители позвонили, у него сестра сильно заболела, потом Аня и Настя домой пошли, у них родители заболели, потом все разошлись, у всех дома родители, бабушки, дедушки, сестры, братья, все болеют! Но это не всё! Потом самое страшное началось. У Зубаткина сестра умерла!

– Да ты что! А родители как? – спросила Анечка. С четой Зубаткиных она иногда встречалась, возвращаясь с работы через парк, где они, всегда под ручку, любили прогуляться. К тому же Зубаткина была Гришкиным детским врачом. Теперь их сыновья учились в одном классе и, иногда встречаясь, женщины останавливались поболтать, обсудить школьные дела.

– Зубаткины в трансе, она ведь врач, но ничего сделать не смогла. Сами они? Нет, сами не болеют. А вот у остальных друзей с родителями совсем все плохо! У Насти без сознания оба, у Михи отец умер, а мать совсем разболелась, – в глазах сына стоял страх, – мама, как им помочь? Что делать? – сын всегда был уверен в том, что его мама может всё, всё исправить, решить все проблемы, – Мама, а вы с папой не заболаете?

– Нет, мы не заболеем! – с уверенностью сказала Анечка, которая получила новые доказательства своей теории. – Мы не заболеем. И Сашка со своими тоже. Наши родственники и друзья в безопасности! – напуганная до предела семья уставилась на неё с удивлением. – Потом объясню, сейчас каждая минута на счету. Налейте мне чаю, я с ног валюсь!

Пока вымотанная вконец Анечка пила чай с остатками вчерашнего пирога, дочь рассказывала ей примерно ту же историю, что и сын. Всё подтверждало Анечкину догадку. Однокурсники и друзья дочери, которые были вхожи в их дом, все были в порядке, а те, о ком она знала лишь понаслышке, болели. Кто-то умер. Кузнецов, бывший муж, немного успокоился, что дети живы и здоровы, Анечка нашлась, но теперь искоса поглядывал на бывшую жену, видимо, сомневаясь в её рассудке. Выяснилось, что вся его родня в порядке, мама здорова и её друзья, пожилая пара, с которой иногда виделась Анечка, тоже. Но коллеги и новые знакомые все заболели и разъехались по домам. А сейчас сотовой связи нет, и неизвестно, что с ними. Марк с семьёй час назад был здоров, Лида тоже. У Лиды дочка в США живет, и от неё со вчерашнего дня приходят новости самые неутешительные. Там, в Америке, тоже все болеют, в нескольких штатах официально объявили эпидемию, закрыли выезд, там паника в СМИ.

Анечка допила чай, переделась и объявила:

– Обойдём ваших друзей-товарищей. Начнём с того, кто ближе живёт!

– Это ещё зачем? – удивился Гришка.

– Да ты что! – возмутились родители. – Никуда мы тебя не пустим! А тем более внуков! Такая эпидемия, сама заразишься, детей угробишь! Нет! И так додумалась по супермаркетам бегать.

– Ты вообще в своем уме? Послушай родителей, куда ты собралась? – подключился Кузнецов, – сидите все дома!

– Я знаю, что делаю, дети в безопасности! – крикнула она в ответ. – Можешь пойти с нами, а если боишься, сам сиди здесь. Дети, собирайтесь!

– Дети, сидеть! Никто никуда не идет! – заорал Кузнецов.

– С каких пор ты здесь командуешь!?

– Ты думаешь это целесообразно? – вклинилась Даша. – Мы что, можем им чем-то помочь?

Дочь Даша всегда была воплощением здравого смысла. С пятого класса она сама принимала все решения и только ставила мать в известность: «я записалась в секцию стрельбы» или «я поеду в развивающий лагерь на вторую смену». Анечка очень быстро поняла, что спорить нет никакого смысла: если Дашка что-то решила, то решение это взвешенное и правильное. И на три шага вперед просчитанное.

– Если я начну рассказывать, Дашка, ты поднимешь меня на смех, и мы потеряем драгоценное время. Возможно и так уже поздно. Вы все должны просто мне поверить.

Но не тут-то было. Никто не собирался верить ей на слово, даже дети:

– Но мама! Мы же заразимся!

Почему на работе любой мастер, не говоря уж о рабочих, безоговорочно верит мне, когда я говорю – вот здесь 15 миллиметров, а здесь 35, не спрашивая, почему и не требуя предъявить чертеж или спецификацию, размышляла Анечка, и почему дома все считают себя самыми умными, а меня, видимо, безмозглой дурой? Почему им всегда нужны веские аргументы и доказательства? А без них можно было быть уверенной, что родственники все сделают по-своему, а потом, когда возникнут проблемы, скажут «мы же не знали, нам же не объяснили». Но сейчас нет ни времени, ни сил, ни аргументов. Сейчас оставалось действовать нахрапом. И она, схватив Гришку за руку, потащила его вниз по ступенькам.

– Просто поверь мне. Тебе в квартиры заходить не надо будет. Но я же не знаю адресов ваших друзей. Даша! Мы ждём внизу! План такой: вы меня приводите к дому, а дальше я сама.

– Что сама?

А что собственно сама? Что сама? Подумаю по дороге, решила Анечка, и в этот момент из подъезда показалась Даша. Небольшая спасательная экспедиция отправилась в путь. Кузнецов, чертыхаясь и раздавая всем на ходу медицинские маски, героически увязался за ними. Но дорога до дома Гришиного друга Дениса заняла лишь пару минут.

– Вы стойте здесь, – скомандовала Анечка Кузнецову и Даше, – мы скоро! И они с Гришей поднялись к Денису. Позвонили, Денис открыл сразу, думал, врачи.

– Гриша, иди вниз, жди на улице, – и Анечка вошла в квартиру. Мама Дениса лежала в кровати, дышала с трудом, но была в сознании.

– Я ей чай горячий, парацетамол давал, вот антибиотики нашёл, тоже две таблетки спойл, но ей всё хуже, – Денис чуть не плакал. Но для подростка он, тем не менее, вел себя очень мужественно, делал всё, что от него зависит.

Анечка смотрела в глаза женщины, которая уже не могла говорить, только иногда стояла. Она не знала, что ей делать. У нее совершенно не было времени задуматься, как именно она будет спасать людей. Женщина перед ней могла умереть. Но целовать её? А вдруг вся её теория – это большая глупость, и она заразится. И детей погубит! Она внимательно посмотрела на Дениса – он явно не болеет. Что же делать? У Анечки даже на секунду возникла антисанитарная мысль плюнуть в стакан с чаем. Но Соне хватило и прикосновения руки. Тогда Анечка

решилась. Она глубоко вдохнула, наклонилась и выдохнула в лицо лежащей женщине. Потом она погладила её по щеке.

– Пои ее горячим чаем, морсом, – если вдруг что, приходи к нам, – наказала Анечка Денису и быстро сбежала по ступенькам.

– Ну, как там? – спросил Кузнецов тревожно. – Давай домой вернёмся?

– Нет, пойдём дальше, она поправится, – уверенно сказала Анечка, хотя, конечно, ни в чём не была уверена.

Дальше к Михе. Но было поздно. Миша открыл двери и немигающими глазами смотрел на гостью, не вполне осознавая, кто это. Анечка прошла в квартиру. То, что она увидела, было настолько ужасно, что трудно себе представить, как это пережил четырнадцатилетний мальчик. Это были первые мертвецы, которых Анечке довелось увидеть. Сколько их, вероятно, вокруг, лучше было не задумываться. С трудом подавив в себе паническое стремление, схватив детей, бежать домой, она повела подростка на улицу.

– Гриша, отведи Мишу к нам, пусть бабушка с дедушкой пока с ним побудут. Мы здесь тебя подождём.

Анечку трясло. Главное, чтобы Кузнецов не заметил, но он курил, отойдя в сторонку. Гриша вернулся быстро. Дальше жила подруга и бывшая одноклассница Даши. Её родители слегли совсем недавно и были ещё ничего. Они не удивились приходу Анечки, тоже приняв её за врача, стали жаловаться на симптомы. Анечка деликатно «надышала» на них, пожалала им руки и побежала дальше. Они обошли ещё 12 квартир. В трёх из них двери никто не открыл. В двух они застали рыдающих подростков над телами своих родителей. Гриша увёл друзей к себе ночевать, не оставляя же их там. К Зубаткиным идти смысла уже не было. Остальные после общения с Анечкой просто обязаны были выжить. Потом, отправив детей домой, Кузнецов, почему-то поверив ей, наконец, свозил её к каким-то людям, у неё уже не было сил запоминать, кто они. Потом они заехали к дальним родственникам, которых давно не видели, те были на вид здоровы, но, узнав, в чём дело, попросили зайти к их соседям. На обратном пути она вспомнила про свою учительницу. Она не навещала её в последние годы, может быть ещё не поздно? Они как раз оказались у её дома.

– Останови и подожди меня здесь, – Кузнецов притормозил.

Дверь в квартиру была открыта. На диване в горячке металась молодая женщина, в кровати спал ребенок лет пяти. Учительницы не было. «Может, она давно здесь не живёт», – подумала Анечка и провела свой «ритуал» и с этими людьми.

Была уже ночь, когда они вернулись домой. На лестничной клетке у квартиры стоял стул, а на нем было что-то, завернутое в плед. Рядом хлопотала Анечкина мама в марлевой повязке на лице и с кружкой горячего чая.

– Больная, совсем больная! – бормотала она как обычно себе под нос, – заразная, наверное! Как же я её в квартиру пушу, у меня же там своих двое внуков, да чужих трое спят уже. Заразит всех сразу же. И не выгонишь больного ребенка на улицу. Что же с ней делать, что делать?

– Что случилось, что это? – шепотом спросила Анечка, всё-таки первый час на дворе.

Мария Петровна развернула стул к свету тусклой лампочки, какие всегда вкручивают в подъездах из экономии, и они увидели девочку лет десяти. Она тяжело дышала во сне, на лбу выступили капельки пота. Сколько таких Анечка перевидала за сегодняшний вечер! По привычке она наклонилась к девочке, потрогала горячее личико. Личико это показалось ей знакомым, но всё же кто это? На шум сверху спустилась тётя Шура, старшая по подъезду. Двадцать лет назад, когда тётя Шура поселилась в этом доме, она была роскошной стройной женщиной с объемной химией на голове и милой улыбкой, собирающей добрые морщинки у глаз. Она быстро познакомилась и сдружилась со всеми жильцами, которые, прожив здесь всю жизнь, и друг с другом-то не были знакомы. С тех пор, уезжая в отпуск, ключи все оставляли у тети

Шуры, все коммунальные проблемы тоже решались с участием тёти Шуры. Теперь это была сухонькая маленькая старушка, с той же милой и доброй улыбкой. Неизвестный ребенок без сознания на лестничной клетке – нет, такое событие не могло произойти без вмешательства тёти Шуры. Мария Петровна рассказала, что девочка эта пришла, когда все уже устроились спать, а они с Иваном Семёновичем сели на кухне выпить чаю в ожидании Анечки. Дома у них, напившись успокоительных, спали оставшиеся без семьи Нина Станиславовна и Славик.

– Извините, здесь живет Анечка? – успела спросить маленькая гостья, протягивая листок с адресом. Не успела Мария Петровна удивиться, как девочка сползла по стенке на пол и потеряла сознание. Больше она в себя не приходила.

– И правда, и домой больную нельзя, и в подъезде не оставишь! – подал голос Кузнецов. – Давайте я с ней подежурю здесь до утра, а лучше я её в машине спать положу, – предложил он. Но ситуацию, как обычно, помогла разрешить тётя Шура.

– У меня ключи от восьмой квартиры есть, давайте туда положим. Квартира сдаётся, но пока желающих не нашлось, а ключи у меня, вдруг кто придет смотреть.

Девочку положили на диван в пустой квартире, Анечка принесла постельное белье, плед и присела рядом. Но тётя Шура отослала её спать, видя, что та падает с ног от усталости. Она обещала присмотреть за ребёнком, благородно ссылаясь на бессонницу.

А потом родители и Кузнецов разошлись по домам. Анечка долго стояла под душем и думала о том, что это был самый страшный день в её жизни, что завтра она проснётся, все выздоровеют, и всё будет как раньше, всё будет хорошо.

VIII

Каждый следующий день был страшнее предыдущего. Проснувшись утром, Анечка стала собираться на работу. На диване в гостиной тяжёлым сном спали мальчишки. Сироты. Миха, Саня, Лёня. Саня, самый рослый из всех, еле помещался на диване, subtilный Лёня свернулся калачиком, подогнув острые коленки. Хорошо бы кто-нибудь из родственников у них остался, подумала Анечка, потихоньку пробираясь в ванную. Она щёлкнула выключателем. Света нет. Умылась в потёмках, но на улице уже светло, привести себя в порядок можно и у окна. Когда она вышла на остановку, над широким проспектом поднималось огромное солнце. Проспект был ориентирован строго на восток, солнце вставало каждое утро в его начале, и Анечку каждый раз завораживала эта нереальная картина. Проспект устремлялся прямо в центр утреннего, сохраняющего ещё абсолютно чёткие очертания, розово-оранжевого диска. Сегодня солнце было особенно прекрасно, его сияние заполнило сознание до краёв, на несколько мгновений мир вокруг перестал существовать. Насладившись зрелищем, Анечка с сожалением отвернулась от солнца, глаза постепенно снова начали видеть. Улица, деревья, рекламный щит. И вдруг она оцепенела, неожиданно осознав, что стоит здесь совершенно одна. За двадцать минут не проехала ни одна машина. Ни один человек не прошёл мимо. Постояла ещё немного, но так и не дождалась маршрутки, никто не пришёл на остановку. Анечке стало не по себе, и она быстро пошла домой, вспоминая события вчерашнего дня. Этого не может быть, думала она. Не может ведь заболеть абсолютно всё население миллионного мегаполиса! Не может быть, что никому, кроме меня, сегодня не надо на работу. Эпидемия, да. Но при любой эпидемии всегда есть определённый процент людей, обладающих иммунитетом. И где эти люди?

Дома выяснилось, что нет не только электроэнергии, но и воды в кране. Да и газ постепенно сошёл на нет. В подъезде все время слышались шаги, звучали голоса, и Анечке сначала казалось, что всё не так уж и плохо, жизнь всё-таки продолжается. Дети спали долго. Потом приехал Кузнецов, потерянный, сбитый с толку. Оценив ситуацию, он взялся за дело. Срубил во дворе сухую яблоню, которую давно должны были срубить сотрудники ЖЭКа, развёл костёр, взял у Анечки самую большую кастрюлю. Подвесив её над огнём, он вскипятил купленную у Венеры воду и стал поить горячим чаем всех домочадцев и соседей. В этих хлопотах ему взялся помогать дядя Вова, муж соседки снизу Нины Гафуровны, Фурии. Было время, когда дядя Вова ругался с Кузнецовым по любому поводу. Конечно, по наущению своей жены, когда Кузнецов ещё здесь жил. Но теперь общий язык наконец-то был найден. От дома всё время отъезжали машины. Обрато соседи возвращались в состоянии шока, некоторые женщины просто в истерике. Да и мужчины плакали. Из их рассказов постепенно выяснилось, что живые люди есть только в одном доме, в одном подъезде. В том, где живёт Анечка. И если в их микрорайоне есть ещё жизнь в некоторых домах, то в городе абсолютно пусто. Во всех районах, где побывали соседи в попытках проведать близких, всё вымерло. В квартирах лежали мертвые тела. Магазины закрыты, а в тех, что открыты – темно и никого нет. На улицах ни машин, ни людей. Близкие почти у всех мертвы. Их нужно хоронить, но кто будет это делать?

За продуктами и водой все ходили к Венере. Там же обменивались страшными новостями. Венера была рада избавиться от йогуртов и сосисок, ведь холодильники больше не работали. Помощник, оказавшийся её племянником, только успевал подтаскивать коробки. Вскоре встала проблема с канализацией. Соседка с первого этажа стучала во все квартиры, требуя немедленно прекратить пользоваться унитазами и вообще не лить воду в раковины. У неё отовсюду потекло, она заткнула все тряпками, но надолго ли их хватит? Запах уже нельзя было замаскировать никакими аэрозолями.

– Скоро и у второго этажа те же проблемы начнутся, и у третьего, если несознательные граждане будут сливать воду в канализацию! Как пользоваться туалетом, когда нет воды? Имейте совесть!

Но люди все равно таскали воду наверх мыть продукты, умываться, да мало ли для чего ещё. Вода всё равно попадала в засорившуюся, видимо, канализацию, и вскоре по подъезду с криками понеслась Фурия, которая жила на втором этаже. Нина Гафуровна никогда не оставляла попыток перевоспитать всех и вся под свое понимание общественного устройства и благополучия. Она всегда готова была вступить в смертельную схватку с нерадивыми жильцами и соседями. Движения ее были стремительны, интонации агрессивны, а сердитые глазки грозно сверкали из-под вечно нахмуренных бровей. Когда выдавило заглушку, предусмотрительно установленную в их туалете дядей Вовой, Фурии за пятнадцать минут удалось то, чего не могла добиться скромная соседка с первого. Связываться с Фурией – себе дороже. Она хватала за грудки каждого, кто ей попадался, и, заглядывая в глаза, с угрозой в голосе вопрошала: – Это вы пользовались унитазом? Или ваши дети? Я знаю, это вы!

Только тогда люди стали выносить ведра с помоями на улицу. Потом одна из соседок, работавшая в соседнем детском саду, открыла двери в группу, где был ремонт, но туалеты работали исправно.

Тётя Шура с двумя соседками обошла все квартиры соседнего подъезда – из него за целый день не вышел ни один человек. Там, где двери были открыты, а люди, боясь потерять сознание, видимо, оставляли двери открытыми, надеясь, что их найдут и помогут, так вот там, где было открыто, лежали мертвецы. После экспедиции соседок отпаивали валерьянкой, и общая паника усилилась ещё больше. Когда у Венеры кончилась питьевая вода, совместно постановили, что можно пойти в магазин и взять то, что нужно. Если хозяева появятся, потом заплатим. Но в супермаркете, в котором Анечка сражалась с гречкой, темно, ничего не найдёшь. За водой пошли в магазин с большими окнами, неподалёку. На листе записывали, кто и сколько взял, чтобы потом расплатиться.

Анечка за день провела всех, кого посетила вечером. Все были живы. Кашляли, хрипели, не могли подняться с постели, но все они были живы. Гриша с Дашей присматривали за Михой и его товарищами по несчастью. Чужая девочка в восьмой квартире в сознание пока не пришла, но жар спал. Явился Зубаткин, посидел с друзьями пару часов. Прибежали Аня и Настя, их родители поправлялись после визита Анечки. Кузнецов отправил их за термосами, чтобы налить кипятку для родителей. Мария Петровна не находила себе места от беспокойства за сына Сашку и внучку. Ещё она беспокоилась за свою сестру, оставшуюся в посёлке. Анечка успокаивала маму, как могла, она-то знала, что брат жив. Иван Семёнович порывался ехать к Сашке, но где находится дача Сашкиного тестя, никто не знал, она была куплена совсем недавно, новоселье как раз было назначено на следующие выходные.

Токманцев появился ближе к вечеру. Он, разыскивая сына и невестку, съездил к родителям невестки в соседний город. По дороге не встретил ни одной машины, ни одного живого человека. Родители невестки были мертвы, сына он так и не нашёл. На обратном пути увидел микроавтобус. Водитель-таджик остановился, из его истеричных сетований было понятно только, что тот едет домой, к семье. Проведав четверых внуков, которые остались у них до выздоровления Сони и которых бабушка, на всякий случай, не выпускала из дома, Токманцев снова куда-то уехал.

Дядя Вова упорно крутил колесики своего транзистора в надежде поймать голос хоть какой-нибудь радиостанции, но кроме помех ничего не поймал. Только музыка на некоторых частотах, которая была записана блоками, и эти блоки повторялись каждые несколько часов. Тогда ближе к вечеру они с Кузнецовым и соседом с пятого этажа, который тоже ничего не знал о судьбе своего сына и внуков, отправились в милицию. Надеялись найти там помощь или хотя бы кого-нибудь в живых. Но основной их целью были рации, оборудованные на служебных

машинах. Если завести машину, по рации можно будет слушать эфир и попробовать позвать, вдруг откликнется кто-то! Ведь где-то должны работать службы спасения, МЧС, пожарные, или просто могут откликнуться радиолюбители. Кто-то же должен быть на связи!

Вернулись они на милицейской машине. В отделении не было ни души, двери нараспашку. Машины во дворе и в гараже, выбирай любую, ключи в бардачке. Включили рацию. Рация трещала, но на призыв Кузнецова откликнуться никто не отвечал. Решено было пригнать машину к дому и время от времени делать новые попытки выйти на связь. Снова откуда-то приехал Токманцев и посоветовал поискать такси. Там рации на других частотах работают, может, больше повезёт. Он был весь в пыли и паутине. Оказалось, ездил на завод, где раньше работал. Он знал, что там есть действующее оборудованное бомбоубежище: сам и занимался его обустройством незадолго до пенсии. Прихватив фонарь, Токманцев обследовал помещёние и нашел его в плачевном состоянии. Гермодверь была демонтирована, помещёния использовались как склад. Между коробками он протиснулся в комнату связи. Радиостанция, телефоны прямой связи, старенький компьютер, всё было на месте. Аккумуляторы на радиостанции, конечно, разряжены. Токманцев попробовал завести дизель. В бытность его ответственным за бомбоубежище дизель заводили раз в квартал, в рамках учений по гражданской обороне. Сейчас дизель не завёлся, и Токманцев решил вернуться туда на следующий день. Всем стало ясно, что помощи ждать неоткуда.

IX

Утро.

Палле проснулся в своей кроватке.

Наверно ещё очень рано, потому что в доме совсем тихо. Но в окно ярко светит солнце, и спать больше не хочется.

Палле встаёт и на цыпочках идёт по коридору. Вот комната, где спят его папа и мама.

Он приоткрывает дверь и заглядывает в спальню. Никого не видно.

Палле подходит к маминной кровати, но кровать пуста.

Тогда он подходит к папиной кровати, но она тоже пуста.

Где же мама и папа?

Тёма смотрел в экран ноутбука и ни о чем не думал. Он уже в сотый раз перечитал маленькую, на две страницы, сказку Иенса Сигсгорда. Батарея ноутбука была почти разряжена, он мог отключиться в любой момент. Но Тёме было всё равно. Интернета не было уже два дня. Электричества тоже. Тёма был в ступоре, он не хотел и не мог заставить себя шевелиться, что-то делать, тем более что-то решать.

Эта сказка неожиданно вспомнилась ему примерно полгода назад. Просто всплыла в памяти. Смутно он мог припомнить сюжет, а вот как звали мальчика? Калле, Салле? Тёма попытался выяснить это в Гугле, но тот ничем не помог: Тёма не помнил ни названия книжки, ни автора. Он набирал «Калле один в городе», «Салле остался один» и много других вариантов, но Интернет оставался глух к его запросам. Спустя месяц Тёма включил компьютер и неожиданно для себя, не задумываясь, набрал: «Палле один на свете». Интернет немедленно выдал и текст, и автора, и иллюстрации к детской книжке, и даже диафильм художника Макарова, 1958 года. Тёма сразу его узнал. Всё встало на свои места. Хорошо забытое, похороненное где-то в недрах сознания под напластованиями новых, свежих, более ярких воспоминаний удивительное чувство. Тёмная комната, простыня, натянутая на стене, луч диапроектора. На простыне одна за другой появляются слегка расплывчатые, иногда почему-то перекошенные картинки. Дедушка читает сказку, написанную маленькими буквами внизу. Дедушка умеет говорить разными голосами. Тоненьким, как козлята, страшным, как волк, нараспев, как коза. Но чаще всего Тёма просит сказку про Палле. Палле один на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.